

Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 78–97.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии

Д.В. Стрельцов

Аннотация. 75-летний юбилей окончания Второй мировой войны даёт повод для осмысления всемирно-исторического значения поражения Японии в этой войне, а также оценки этого события с точки зрения современных отношений Японии с её странами-противниками. Многие десятилетия свою актуальность в этих отношениях не утрачивает целый клубок специфических проблем исторического прошлого, связанных с наследием Второй мировой войны.

По сути, в разных странах сложились собственные национально-ориентированные дискурсы вокруг войны с Японией, в которых расставлены различные акценты в интерпретации её сути, характера, основных акторов и даже хронологии. На Западе в целом считали вопрос об ответственности Японии исчерпанным условиями послевоенного урегулирования, определёнными подписанным ими Сан-Францисским мирным договором, а также вердиктами Токийского и иных трибуналов, наказавших японских военных преступников. Их позиция в период холодной войны определялась в первую очередь логикой биполярного противостояния, в которой Япония была верным проводником западных ценностей в Азии в глобальной парадигме борьбы с коммунизмом. Что касается СССР и постсоветской России, у них отсутствуют какие-либо «исторические» (не только юридические, но и морально-этические) претензии к Японии, связанные с итогами войны.

В свою очередь в Китае, а также в государствах Корейского полуострова преобладают антияпонские настроения, связанные с недостаточной степенью публичного выражения раскаяния в отношении милитаристского прошлого со стороны официального Токио, в политике которого, по их мнению, усиливается ревизионистская компонента. Их болезненную реакцию вызывают высказывания японских официальных лиц, и прежде всего главы правительства, в которых оправдывается милитаристская политика Японии в годы войны, посещение членами кабинета министров храма Ясукуни, издание «патриотических» учебников истории для средней школы и т.д. Эти страны слышат из Японии одновременно голоса признания и отрицания вины, а это усложняет двусторонний диалог на политическом уровне. В результате установление отношений доверия между Японией и странами Восточной Азии представляется в обозримой перспективе маловероятным.

Ключевые слова: Япония, память о войне, консервативная традиция, теория освобождения Азии, Токийский трибунал, Нанкинская резня, храм Ясукуни, «дипломатия извинений».

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета (адрес: Москва 119454, просп. Вернадского, 76). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31262 («Современное переосмысление истории Второй мировой войны в Японии в контексте меняющегося политического ландшафта в Восточной Азии и национальных интересов России»).

War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender

D.V. Streltsov

Abstract. The 75th anniversary of the end of World War II provides an opportunity for a new understanding of the global historical significance of Japan's defeat, as well as for evaluating this event from the point of view of present-day relations between Japan and its former adversaries. For many decades, a whole tangle of specific problems of the historical past related to the legacy of WWII has not lost its relevance in these relations.

In fact, different countries have developed their own national-oriented discourses around the war with Japan, in which different accents are placed in the interpretation of its essence, character, main actors, and even chronology. In the West, the question of Japan's responsibility was generally considered to be closed by the terms of the post-war settlement determined by the San Francisco Peace Treaty, as well as by the verdicts of the Tokyo and other tribunals that punished Japanese war criminals. Their position during the cold war was determined primarily by the logic of bipolar confrontation, in which Japan was a faithful proponent of Western values in Asia in the global paradigm of the fight against communism. As for the USSR and post-Soviet Russia, it does not have any “historical” (not only legal, but also moral and ethical) claims against Japan related to the results of the war.

In turn, in China, as well as the states of the Korean Peninsula, anti-Japanese sentiment prevails, due to the insufficient degree of public expression of remorse for the militaristic past on the part of official Tokyo, in whose policy, in their opinion, the revisionist component is growing. Their painful reaction is caused by statements of Japanese officials, and especially the head of government, which justify the militaristic policy of Japan during the war, by the visits of Cabinet members to the Yasukuni Shrine, by the publication of ‘patriotic’ history textbooks for secondary schools, etc. These countries hear from Japan both voices of admission and denial of guilt, and this complicates the bilateral dialogue at the political level. As a result, the establishment of a relationship of trust between Japan and East Asian countries seems unlikely in the foreseeable future.

Keywords: Japan, war memory, conservative tradition, Asia liberation view, the Tokyo Tribunal, the Nanjing massacre, Yasukuni Shrine, “the diplomacy of apologies”.

Author: *Streltsov Dmitry V.* Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Acknowledgements: The study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31262 “Contemporary Reinterpretation of WWII History in Japan in the Context of the Changing Political Landscape in East Asia and Russia’s National Interests”.

75 лет назад, 2 сентября 1945 г., на борту американского линкора Миссури, стоявшего в гавани Токийского залива, был подписан Акт о капитуляции Японии. В год юбилея окончания Второй мировой войны тема исторического наследия этого эпохального события XX века приобрела особое звучание. Юбилейная дата даёт повод для осмысления всемирно-исторического значения поражения Японии в этой войне, а также оценки этого события с точки зрения современных отношений Японии со странами-противниками в годы войны.

Разнообразие в подходах к значению и месту войны с Японией в национальной и мировой истории

В мире имеется широкий спектр разброса мнений и оценок, связанных с этой проблемой. Существенно различается в разных странах и субъективно-эмоциональная перцепция довоенного милитаристского режима в Японии, который в отдельных случаях приравнивают к нацистской Германии, а некоторых случаях – решительно отделяют. По сути, в отдельных странах сложились собственные национально-ориентированные дискурсы вокруг войны с Японией, в которых расстановлены различные акценты в интерпретации её сути, характера, основных акторов и даже хронологии.

Так, для США, которые были одной из жертв японской агрессии, главным в историческом восприятии войны с Японией является ощущение её священности и справедливости для американского народа, а также справедливости её юридических и фактических итогов. Символом коварства и агрессивности японцев стало для американцев внезапное нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., которое в чём-то резонирует с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Именно с этого момента начинается «Тихоокеанская война», которая сразу же стала частью мировой. Американская историография Тихоокеанской войны делает упор на морские сражения на Тихом океане – битвы у атолла Мидуэй, Соломоновых островов, за Гуадалканал, а также сражение за Окинаву. Именно здесь, как не без оснований полагают в Америке, определялся исход войны с Японией. Американцы хорошо знают о проявленном на Тихом океане их соотечественниками (в том числе будущими президентами США Кеннеди и Бушем) массовом героизме, известно там и о жестоком обращении японцев с военнопленными армии США и других стран Запада. В то же время агрессивная политика Японии на азиатском материке занимает в американском взгляде на войну второстепенное место.

В связи с этим резонно возникает вопрос: почему, в отличие от нацистской Германии, США не пошли в оккупационный период на решительный слом японской системы государственной власти, которая была объявлена виновником милитаристской политики, и не настояли на строительстве качественно нового государства, не имеющего со старым ничего общего? Причины проявленного американцами великодушия лежат в области геополитики. После войны Япония стала для США основным политическим союзником в Восточной Азии, призванным своим примером доказать преимущества капиталистического развития и тем самым обеспечить сдерживание коммунистического влияния в других странах Азии. Благодаря помощи США Япония сумела не только быстро восстановить экономику, но и явить миру феномен «экономического чуда», позволившего стране вновь стать лидером региона, на этот раз с помощью экономических рычагов.

Свою роль играло и критическое осмысление опыта I мировой войны, когда демонстративное унижение Германии привело к психологической травме побеждённой нации и посеяло там семена мстительного реваншизма, что в конечном счёте привело мир к новой катастрофе. На этом фоне Вашингтон в своём подходе к условиям послевоенного урегулирования с побеждённой Японией, по-видимому, отчетливо понимал грань, заступив за которую, он рисковал на многие десятилетия вперед получить отнюдь не лояльного партнёра, а нового врага.

В послевоенный период США, пытаясь привлечь к себе симпатии японцев, фактически освободили довоенных политических лидеров Японии от ответственности, выпустив в период «обратного курса» уже осуждённых преступников из тюрем. После проведения Токийского трибунала и подписания Сан-Францисского мирного договора (СФМД), наложившего на Японию более чем мягкие виды наказания (Япония была приговорена к символическим репарациям), Вашингтон больше не обращался к теме военной ответственности Японии. В постбиполярный период США достаточно вяло реагировали на «ревизионистские» действия японского руководства: например, в декабре 2013 г. Вашингтон лишь выразил «разочарование» по поводу визита премьера С. Абэ в храм Ясукуни, хотя все восточноазиатские соседи Японии выступили с энергичными протестами [Japan's Shinzo Abe..., 2013].

Фактически аналогичную позицию проявляли в послевоенный период и другие западные державы, колонии которых в Юго-Восточной Азии были в годы войны объектом японской агрессивной политики: Великобритания, Голландия, а также страны Британского содружества (Австралия и Канада). Следует отметить, что у некоторых из этих стран были достаточные основания для проявления жёсткости в деле выработки условий послевоенного урегулирования с Японией. Это в первую очередь касается Австралии, территория которой непосредственно пострадала от японской агрессии, а также Голландии, многие граждане которой стали жертвами японской оккупационной политики (например, голландки работали в «станциях утешения»). Многие послевоенные годы кровоточащей раной в отношениях Японии с этими странами оставалась память о бесчеловечных условиях, в которых содержались военнопленные в японских лагерях, о «Батаанском марше смерти», о непосильном труде и огромной смертности на строительстве железной дороги между Таиландом и Бирмой в 1942–1943 гг., для которого было привлечено около 60 тыс. британских, голландских, австралийских и американских военнопленных (около 15 тыс. из них погибло).

Тем не менее эти страны в целом считали вопрос об ответственности Японии исчерпанным условиями послевоенного урегулирования, определёнными подписанным ими Сан-Францисским мирным договором, а также вердиктами Токийского и иных трибуналов, наказавших японских военных преступников. Их позиция в период холодной войны определялась в первую очередь логикой биполярного противостояния, в которой Япония была верным проводником западных ценностей в Азии в глобальной парадигме борьбы с коммунизмом.

Иная ситуация наблюдалась в СССР и странах Восточной Азии, по разным причинам не подписавших Сан-Францисский мирный договор, в результате чего Япония восстанавливала с ними отношения на двустороннем уровне. СССР в отличие от прочих стран-противников Японии не пострадал от японской агрессии, а его вступление в войну с Японией было продиктовано его союзническими обязательствами и имело юридическое обоснование в виде положений Устава ООН (ст. 107), согласно которым страны-подписанты должны были немедленно предпринять все меры против «вражеских государств», направленные на скорейшее завершение войны. Хотя Москва не присоединилась к СФМД, а нормализация отношений с Японией происходила без подписания мирного договора, она в соответствии со статьёй 6 Совместной декларации 1956 года неизменно придерживалась

позиции, согласно которой все вопросы войны между двумя странами, происходившей с 9 августа 1945 г., являются полностью урегулированными.

Следует отметить, что в исторической памяти о войне в СССР и постсоветской России на уровне массового сознания практически полностью отсутствовал эмоционально окрашенный компонент, связанный с негативным восприятием Японии как страны-агрессора, причинившей другим народам огромные страдания, подобно тому, как это сделала нацистская Германия в годы Второй мировой войны. Это связано и с тем, что Япония не напала на Советский Союз в тяжелые годы Великой Отечественной войны, оставшись верной Пакту о нейтралитете, а советско-японская война августа 1945 г. была скоротечной и, конечно, не столь кровопролитной, как война с Германией. Свою роль играл и фактор американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, жертвы которых в глазах советских граждан искупили вину милитаристского руководства страны. Наконец, важным было и то обстоятельство, что в период военной оккупации Япония оказалась под контролем американцев: в глазах советских людей она фактически превратилась в страну-сателлита, не имеющую возможности проводить собственный внешнеполитический курс. «Долги» Японии перед Россией в этом смысле были погашены её капитуляцией и моральным удовлетворением от её унижительного положения в качестве «американской полуколонии».

Отсутствуют какие-либо «исторические» (не только юридические, но и морально-этические) претензии к Японии, связанные с итогами войны, и у постсоветской России. Что касается проблемы пограничного размежевания, именно Япония является источником территориальных претензий к России, а потому выступает в глазах многих россиян в качестве «ревизионистской» державы, не желающей признавать очевидные итоги Второй мировой войны.

Несколько по-другому выглядит коллективная память о войне с Японией в материковых странах-соседях. В Китае война с Японией воспринималась и продолжает восприниматься как справедливая война против иностранных агрессоров, которые совершили страшные и бесчеловечные военные преступления, в том числе в отношении мирного населения. Особую важность для Китая при современной оценке исторического значения капитуляции Японии приобретает не всемирно-исторический, а национальный аспект этого события: на первый план выходит не столько завершение Второй мировой войны, сколько освобождение страны от японских оккупантов.

Точно так же и в странах Корейского полуострова военное поражение Японии воспринимается в первую очередь как судьбоносный момент национальной истории, в который корейский народ смог освободиться от иностранного порабощения, нежели как завершающий аккорд мировой войны. В колониальный период 1910–1945 гг. народ Кореи подвергался насильственной трудовой и военной мобилизации для нужд японской императорской армии, а многие корейцы пострадали от навязанного стране Японией участия в войне. На японских военных заводах работали корейские рабочие, насильственно завезённые в метрополию, в японских военных борделях работали присланные туда против своей воли кореянки, а от атомных бомбардировок Японии пострадали корейцы, оказавшиеся в Хиросиме и Нагасаки опять-таки в результате насильственной трудовой мобилизации. Условия послевоенного урегулирования 1965 года между Японией и РК, в соответствии с которыми Токио брал на себя обязательство предоставить Сеулу 500 млн долл. США в виде грантов и низкопроцентных кредитов на нужды экономического развития

Южной Кореи, считают на Юге недостаточно справедливыми, так как сами корейские жертвы японского колониализма ничего для себя лично от японской помощи не получили. Кроме того, имеется принципиальное различие в позициях сторон по поводу легитимности договора 1910 года, передавшего суверенные права на Корею в руки японского императора: Сеул считает его незаконным с момента подписания, в Токио же полагают, что он утратил силу только в момент капитуляции Японии в 1945 г. С Севером же Токио так и не нормализовал межгосударственные отношения, соответственно, на межгосударственном уровне не произошло и урегулирования вопросов минувшей войны и колониального прошлого.

На этом фоне как на Юге, так и на Севере Кореи преобладают антияпонские настроения, связанные с недовольством условиями послевоенного урегулирования (в случае с РК), а также с недостаточной степенью публичного выражения раскаянья в отношении милитаристского прошлого со стороны официального Токио, в политике которого усиливается ревизионистская компонента.

В мире наблюдается разнобой и в названии войны с Японией как одного из событий Второй мировой войны, а также в её датировке. В США, как было отмечено выше, она называется «Тихоокеанской войной» (Pacific War), продолжавшейся с 7 декабря 1941 г. по 15 августа 1945 г. (день выступления японского императора по радио о принятии условий Потсдамской декларации). В СССР она ассоциируется с «Советско-японской войной», которая началась в момент вступления СССР в войну с Японией 8 августа 1945 г. и закончилась подписанием Токио Акта о капитуляции 2 сентября. При этом, в отличие от войны с Японией стран Запада, которая нашла фронты Тихого океана в 1941–1945 гг., для СССР значительная часть «горячей стадии» этой войны проходила в Китае, Корее, на Курильских островах и Сахалине уже после 15 августа 1945 г., т.е. пришлась на период после объявления японским императором поражения в войне.

В свою очередь, в Китае изначально (т.е. ещё в период войны) конфликт с Японией не воспринимался как событие всемирно-исторического масштаба, закрепившись в коллективной памяти народа как «война сопротивления против Японии», или «антияпонская война». В послевоенный период в национальной историографии и системе исторического образования установилось название, привязанное к её временным рамкам – «восемилетняя война сопротивления японской агрессии». Речь шла о войне с 1937 по 1945 г., известной среди многих историков как «вторая китайско-японская война», началом которой считается инцидент на мосту Марко Поло 7 июля 1937 года. Во многом такая периодизация была связана с тем, что именно с 1937 г., когда между коммунистами и Гоминьданом было заключено соответствующее соглашение и создан Второй объединённый фронт, главным врагом КПК становятся японские оккупанты (тогда как ранее коммунисты своим основным противником считали Гоминьдан).

Вместе с тем с начала 2000-х годов в Китае стал шире использоваться термин «четырнадцатилетняя война», которая началась Мукденским инцидентом 18 сентября 1931 г. и завершилась капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г. Сверху было спущено указание переписать учебники истории с тем, чтобы позиционировать эти события как «14-летнюю войну сопротивления японской агрессии». Решение о «продлении» войны на шесть лет, очевидно, ставило своей целью содействовать патриотическому воспитанию и подчеркнуть

ключевую роль Коммунистической партии в сопротивлении «японскому фашизму» в преддверии Второй мировой войны [Jing Yu, 2017].

В ходе церемонии в памятную дату окончания войны китайские лидеры используют термин не «Вторая мировая война», а «Мировая антифашистская война». На церемонии 2015 г. Председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил: «Семьдесят лет назад китайский народ, упорно сражаясь в течение 14 лет, одержал великую победу в своей войне сопротивления японской агрессии, что означало и полную победу в Мировой антифашистской войне. Китайская народная война сопротивления японской агрессии и Мировая антифашистская война были решающей битвой между справедливостью и злом, между светом и тьмой, между прогрессом и реакцией. В этой разрушительной войне Китайская народная война сопротивления японской агрессии началась раньше всех и продолжалась дольше всех. Во время войны китайский народ с огромными жертвами нёс основную тяжесть Мировой антифашистской войны на Востоке, тем самым внеся большой вклад в победу» [An 2018]. Через пять лет, 3 сентября 2020 г. Си Цзиньпин в своём выступлении особенно отметил решающую роль Китая и России, которые понесли огромные жертвы ради победы в Мировой антифашистской войне [China's Xi..., 2020].

Исторически появление этого определения связано с тем, что ещё во время войны Мао Цзэдун нередко говорил о ведении китайским народом «антифашистской войны». По мнению австралийского исследователя Дж. Фитцджеральда, Мао тем самым стремился доказать свою преданность Сталину, который вёл войну с германским фашизмом в Европе [Fitzgerald, 2015]. Другая цель Мао, использовавшего этот термин, состояла в том, чтобы позиционировать войну с Японией в качестве одного из локальных фронтов войны с мировым капитализмом. «Мировая антифашистская война» рассматривается в Китае как один из этапов борьбы между социализмом и капитализмом, марксизмом-ленинизмом и либеральным плюрализмом, суверенными народами и империалистическими нациями. Вторжение Японии и оккупация Китая с 1931 по 1945 г. в рамках этого видения истории занимает место одного из эпизодов столкновения Китая с капиталистическим Западом, который начался ещё с периода буржуазно-демократических революций, потрясших Европу и Северную Америку в XVII и XVIII веках. На современном же этапе этой борьбы Китай, согласно этому взгляду, сопротивляется долгосрочным империалистическим замыслам США и «возрождению фашизма» в Японии [Fitzgerald, 2015].

Что касается Кореи, там периодизация Второй мировой войны воспринимается через призму национально-освободительной борьбы с японскими колонизаторами, которая непрерывно продолжалась с момента закабаления страны в 1910 г. вплоть до поражения Японии в 1945 г.

Как завершение японской оккупации, начавшейся в 1941–1942 гг., воспринимается поражение Японии и в странах Юго-Восточной и Южной Азии. Однако поскольку все они, за исключением Таиланда, изначально находились под колониальным правлением европейских держав, приход японцев ассоциируется там с новым колониальным порабощением. Следует отметить, что японская оккупационная политика в регионе проводилась Токио под лозунгом «освобождения Азии от белых колонизаторов», а японские власти, особенно на завершающих этапах войны, заигрывали с лидерами национально-освободительного движения оккупированных стран (Субхас Чандра Бос, Бо Мо, Хосе Лаурель и др.), включая тех, кто был после войны возведён в этих странах в ранг

национальных героев. Окончание войны с Японией имеет для этих стран большое значение не только как освобождение от японской оккупации, но и как повод к пробуждению национального самосознания и разворачиванию освободительной борьбы против колониализма как такового.

В самой же Японии имеется несколько названий, которые используются представителями различных социальных групп и политических взглядов в отношении различных видов и этапов боевых действий японской императорской армии в ходе Второй мировой войны. Консерваторы склонны употреблять термин *дайтоа сэнсо* («Великая восточноазиатская война»), который содержит намёк на великую миссию, которую Япония стремилась выполнить в Восточной Азии, а именно – построить «Восточноазиатскую сферу процветания». Применительно к войне в Китае в ходу словосочетание *дзюгонэн сэнсо* («Пятнадцатилетняя война»), под которым понимается конфликт с Китаем в период с 1931 по 1945 гг., или *ниттю сэнсо* («Японо-китайская война»). Широкое употребление получил и термин «Тихоокеанская война» (*тайхэйё сэнсо*) – боевые действия Японии против США и их союзников на Тихом океане, которые отделяются от действий императорской армии в Китае и странах ЮВА. В отношении всей минувшей войны (включая как материковую, так и тихоокеанскую её части) в академических кругах широко используется также термин *адзиа тайхэйё сэнсо* («Азиатско-тихоокеанская война») [Сёдзи, 2011, с.79]. В отношении боевых действий против Красной армии после вступления СССР в войну используется и термин «Японо-советская война» (*ниссо сэнсо*). Следует подчеркнуть, что во всех этих названиях упор делается на субъектность Японии как одной из сторон военного конфликта. Использование же термина «Вторая мировая война», как подчеркивает японский исследователь Дз. Сёдзи, в отношении войны с участием Японии, в самой Японии вызывает ощущение «неестественности», как в силу географического и временного факторов, так и по причине субъективных ощущений среди японцев [Сёдзи, 2011, с. 78].

Страновые различия в отношении к историческому наследию минувшей войны проявляются также в том, что в мире по-разному отмечают день её окончания. Например, в Японии дата окончания войны, которая официально считается «днём траура по погибшим и мольбы за мир», отмечается 15 августа: именно в этот день в 1945 г. по радио с соответствующим заявлением выступил император страны. Ежегодно 15 августа в Японии проходят траурные церемонии, а премьер-министр выступает с речью, в которой вспоминает о погибших и даёт оценку историческому наследию Второй мировой войны. Этот же день отмечают как памятную дату окончания войны в Великобритании, Австралии, Канаде и странах британского содружества, так как армии этих стран в этот день прекратили боевые действия с японскими войсками. 15 августа считают датой окончания войны и в странах Корейского полуострова, для которых особенно важно, что с декларацией в этот день выступил японский император, от имени которого проводилось колониальное порабощение страны.

В свою очередь, в США памятной датой окончания войны считается 2 сентября – день, когда Японией был подписан Акт о капитуляции. Для США, таким образом, важнее статусно-символический смысл этой даты, а именно – то, что прошедшая в этот день церемония подписания капитуляции продемонстрировала миру мощь Америки и унижение её военного противника.

Наконец, в Китае, а также ряде стран Азии (Филиппины, Тайвань) и современной России отмечают 3 сентября – первый день после окончания Второй мировой войны. За этим стоит нежелание придерживаться западного взгляда на историю и присоединяться к празднованию даты, которую на Западе представляют прежде всего как американский триумф. Например, в Китае считается, что именно 3 сентября японская императорская армия капитулировала перед Китаем. 3 сентября отмечается в Китае как «День победы в войне китайского народа против японской агрессии и в мировой войне против фашизма».

Различия в подходах к дате празднования окончания войны с Японией имели и продолжают иметь конкретные политические последствия. Например, эти различия служат причиной разногласий в советско-японских отношениях по проблеме военнопленных. В японской интерпретации сдача оружия военнослужащими японской императорской армии после 15 августа, считающегося днём окончания войны, не является пленением, а, следовательно, разоруженные японцы были не военнопленными, а интернированными. Однако в реальности приказ о сдаче поступил к ним с сильным запозданием, в результате чего они продолжали оказывать ожесточенное сопротивление Красной армии. Поэтому в послевоенном СССР перемещённые туда бывшие японские военнослужащие считались именно военнопленными, а не «интернированными лицами».

Разными были у каждой страны и условия послевоенного урегулирования с Японией. В отличие от США и их западных союзников, многие страны – участницы войны не подписали Сан-Францисский мирный договор и встали перед необходимостью самостоятельно проводить нормализацию отношений с Японией. Так, страны ЮВА завершили процесс нормализации во второй половине 1950-х годов, СССР – в 1956 г., Республика Корея – в 1965 г., Китай в – 1972 г. С КНДР такого урегулирования нет и сегодня. В каждом отдельном случае находилась и отдельная формула примирения. От Японии требовались в основном формальные извинения, в то время как репарации там, где они требовались, обретали форму «экономической помощи». Общим знаменателем этой формулы становилось взаимное подтверждение отсутствия у сторон каких-либо претензий друг к другу.

Историческая оценка Второй мировой войны в Японии

Оценка наследия Второй мировой войны остаётся крайне противоречивой и неоднозначной и в самой Японии. В стране продолжают дискуссии о том, насколько эта война была справедливой для Японии, какую политику Япония проводила на материке и как следует относиться к довоенному милитаристскому режиму и отдельным его представителям.

В дискурсе послевоенной Японии вокруг милитаристского прошлого сформировалось две традиции – «консервативная» и «прогрессистская» [Dian, 2015]. Имеет смысл подробнее остановиться на консервативной традиции, которая стала преобладающей в идеологическом обеспечении политики кабинетов Абэ в 2012–2020 гг. Премьер-министр С. Абэ призывал к проведению более решительной внешней политики, особенно в отношении тех стран, которые, по его мнению, получают преимущества от склонной к историческому «мазохизму» и «самоуничжительной» Японии. Консерваторы склонны отрицать или, по крайней мере, преуменьшать агрессивный характер войны. Они исходят из того, что война не была спланированным и сознательным актом агрессии, а Япония была скорее принуждена

к ведению войны внешними силами. Например, депутат ЛДП и бывший министр обороны Т. Инада, отражая эти взгляды, доказывала, что Япония вела войну «за собственное выживание и в интересах самообороны». Она открыто призвала премьера Абэ «избавиться от взгляда на историю, привнесённого Токийским трибуналом» [Коно данва..., 2014].

Широкое распространение получил тезис о том, что империалистическая Япония действовала в условиях того времени точно так же, как и все прочие западные страны, а все её действия были направлены на выход из кризиса. Япония весь период новейшей истории с момента выхода на траекторию вестернизации действовала по сложившимся тогда правилам и была ничуть не хуже других империалистических держав, включая победивших её США и Великобританию. По мнению М. Цудзита, хотя период военного времени характеризовался тем, что в стране сложилась крайняя форма тоталитаризма, ничего экстраординарного в политике Японии не было: она была последовательной в своём стремлении стать равной мировым державам и повысить свой статус в глазах других народов мира [Tsujita, 2009, p. 189].

Во многих научных трудах, документах и выступлениях официальных лиц подчёркивается, что на путь войны Японию подтолкнули экономический кризис, а также рост протекционизма и преференциального подхода Запада к мировой торговле. Японские консерваторы утверждают, что действия Японии во Второй мировой войне были законной и необходимой формой самообороны, навязанной Японии западным колониализмом и нефтяным эмбарго США [Pollman, 2016, p. 311]. Например, С. Абэ, выступая на церемонии по поводу 70-летия окончания войны, заявлял о том, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика, спровоцированного политикой Запада» [Prime Minister of Japan, 2015].

Более того, часть радикально настроенных консерваторов правой ориентации настаивает, что Япония проводила в Юго-Восточной Азии политику национального освобождения от белых колонизаторов. Сторонники «теории освобождения Азии» склонны рассматривать начатую в 1910 г. колонизацию Кореи не как её порабощение, а как «мирное заключение международного договора». Война против Китая, как и экспансия Японии в страны Юго-Восточной Азии, считались оправданными, поскольку конечной их целью было освобождение от господства белой расы и возвращение Азии азиатам. Япония, по их мнению, косвенно достигла одной из своих главных целей, даже проиграв войну, поскольку в послевоенный период большинство бывших колоний европейских империй достигли политической независимости. Один из консервативных политиков от правящей партии Итагаки Тадаси следующим образом дал свою положительную оценку тому, что Япония сделала в Азии: «Вы неоднократно говорили, что Япония вторглась в Азию, но на самом деле Япония освободила Азию. Разве можно было бы освободить Азию от колониального господства [Запада] без Великой восточноазиатской войны»? [Saito, 2017, p. 84].

Важный для консерваторов вопрос касается зверств, совершённых императорской армией во время войны. Консерваторы оспаривают многие обвинения, выдвинутые против Японии азиатскими странами, заявляя о том, что масштабы «Нанкинской резни» были сильно преувеличены, а реальное число её жертв не превышает нескольких тысяч человек, что «женщины для утешения» были наёмными проститутками, что система «станций для утешения» была обычной практикой в армиях того времени, и что военные преступления, в том числе в отношении мирного населения, совершались армиями других стран (в том

числе американской), а не только японской. Это выразилось, в частности, в публичном выражении японским премьер-министром сомнений по поводу самого существования проблемы «женщин для утешения»: 1 марта 2007 г. С. Абэ, выступая в парламенте, заявил об отсутствии каких-либо доказательств их принуждения.

Консервативную традицию характеризует также критическое отношение к Токийскому трибуналу, который многие называют «правосудием победителей», который так и не обрёл морального авторитета среди японцев и не стал уроком для Японии [Jansen, 2000, p. 673]. Наибольшее неприятие вызывает обозначенная судом оценка действий Японии с момента начала её экспансии в Китай в 1931 г. (т.н. взгляд Токийского трибунала на историю *Токио сайбан сикан*, или Взгляд Дальневосточного трибунала на историю *Кёкуто сайбан сикан*). По мнению консерваторов, этот взгляд отличает предвзятое отношение к действиям Японии в период между 1931 и 1945 г., которые подлежат безоговорочному и бездоказательному осуждению как «акты агрессии», тогда как всё, что делали враги Японии, объявляется высокоморальным и оправданным [Dian, 2017, p.43]. Консерваторы считают, что Токийский процесс не был попыткой расследовать военные преступления, а его главная цель заключалась в демонстрации превосходства над побеждённым соперником.

Сомнения выражаются и в отношении юридической обоснованности вердикта. Например, утверждается, что «преступления против мира» или «преступления против человечества», в котором обвинялись японские военные лидеры, были концептами, специально придуманными победившими державами, чтобы наказать побеждённую нацию, и что применялись эти обвинения задним числом, поскольку такие преступления не были установлены в международном праве. Это мнение разделял и премьер-министр Японии С. Абэ, который в своей книге «В направлении «красивой страны» [Абэ, 2006], опубликованной в 2006 году, отмечал, что действия трибунала нарушают принцип международного права о неприменимости обратного действия закона [Индо хомон..., 2007]. В той же книге Абэ утверждал, что японские военные, которых Токийский военный трибунал признал военными преступниками, не нарушали действовавшие в период войны японские законы, а, следовательно, с точки зрения японской правовой системы, эти лица не были военными преступниками [Кэнсё..., 2006]. Абэ, кроме того, выражал сомнения по поводу определения «агрессивной войны», заявив о том, что научных доказательств такого определения не существует. Выступая 16 февраля 2006 г. в парламенте, японский премьер заявил о том, что дача определения минувшей войны – это дело не правительства, а историков [Кэнсё..., 2006].

Затрагивая тему Токийского трибунала, консерваторы часто приводят тот факт, что против обвинительного вердикта выступили трое из его одиннадцати судей. Большую известность в Японии получило особое мнение индийского судьи Радхабинода Пала, который хотя и не отрицал военных преступлений Японии, не согласился с большинством выводов трибунала. Неудивительно, что консерваторы считают тех японцев, кто придерживается «взгляда Токийского трибунала на историю», «мазохистами» и «манихеями» [Dian, 2017, p.44].

Консерваторы также подчеркивают, что японцы, отдавшие свои жизни, являются отцами и дедами нынешнего поколения, а порицать их – значит осквернять память собственных предков. По их мнению, послевоенный пацифизм Японии означает необходимость «жить в тени собственного поражения», а сейчас уже настало время

избавиться от комплекса неполноценности с достоинством и гордостью и восстановить национальную идентичность. Консервативные позиции в значительной степени основаны на «чистоте духа» и идеализированной «японскости» военного поколения, поэтому вся война не может быть признана агрессивной: это делегитимизировало бы благородство военного поколения и сделало бы их смерть бессмысленной [Dian, 2017, p. 43]. Например, в музее Юсюкан при храме Ясукуни имеется специальный зал «Дух самурая», где через самурайский меч, символ «японскости» и чистоты японского духа, проводится идея «благородства и трансцендентальности войны» [Hong Kal, 2008, p. 15].

Бывший премьер-министр Р. Хасимото, который в начале 1990-х годов занимал должность президента Ассоциации семей погибших в войне, отмечал в своей книге «Как вернуть себе место у власти» (*Сэйкэн даккайрон*): «Как бы чувствовали себя те, кто живет сегодня и дорожит памятью своих умерших родственников, если бы им сказали, что это всё-таки была агрессивная война?» [Haffner, 2009, p. 44].

Консерваторы предлагают строить внешнеполитическую линию на идее преодоления послевоенного «недуга» пацифизма и отмены антимилицаристских ограничений. Их представления о преемственности нынешней Японии с довоенным государством, о благородных мотивах и миссионерской роли Японии в Восточной Азии, о виктимности японской нации и о романтизации жертв военного времени находят своё отражение не только в публичном дискурсе вокруг интерпретации исторического прошлого, но и в концептуальных основах внешней политики страны [Ort, 2001, p. 14–35].

Высказывания политиков консервативной ориентации, общественных деятелей и учёных и подтверждают вывод о том, что основной упор в политике памяти, направленной на консолидацию нации, делается «на событиях и символах прошлого, укрепляющих положительные представления нации о себе» [Малинова, 2016, с. 144].

Проблемы в современных отношениях Японии и стран Восточной Азии

После окончания холодной войны во многих странах Восточной Азии произошло переосмысление роли и места Японии в шкале их внешнеполитических приоритетов. Эти страны стали существенно сильнее экономически, им уже перестали требоваться японские инвестиции и технологии в том объёме, как это было в период 1970–1980-х годов.

Особенно сильно изменился подход к Японии в Китае. По мере усиления экономических и политических позиций КНР в стране наблюдался рост национализма, в котором отчётливо проявлялась антияпонская направленность. Свою роль играло и то обстоятельство, что политика исторической памяти имеет в Китае внутривнутриполитическое измерение. Легитимность власти КПК в стране в числе прочего основывается на успешном формировании на уровне массового сознания представлений о главной роли партии в истории страны XX в., в том числе в контексте сопротивления японской агрессии.

Практически все виды массового исторического образования были скорректированы на предмет соответствия утверждённым свыше национальным нарративам и конкретным пропагандистским задачам. Направленность этих нарративов заметно сместилась за несколько десятилетий: от революционной классовой борьбы к эре «китайской мечты», в которой страна утверждает своё превосходство над соседями и добивается возвращения

Китаю того глобального положения, которое он занимал в своей истории на вершине своего могущества. Перед «официальной историей» была поставлена задача не только показать сознательный выбор народа в пользу коммунистической идеологии, но и продемонстрировать историческую подоплеку этого выбора: унижение Китая со стороны западных стран и Японии, национальное освобождение и, наконец, возрождение нации в период власти КПК.

Нарратив, связанный с особой ролью КПК в борьбе с японским вторжением, предполагает постоянное поддержание на массовом уровне в актуальном состоянии «антияпонской» исторической памяти, которая воспроизводится во всё новых поколениях китайцев. В китайских пропагандистских изданиях подчёркивается решающее значение китайского фронта в войне против Японии. Например, на одном из китайских сайтов приводятся такие цифры: до начала войны на Тихом океане (1941–1943) Япония разместила в Китае от 80 до 94 % своих войск, а после 1941 г. Япония держала там более 50 % своих военнослужащих. Когда Япония капитулировала, в Китае было развёрнуто в общей сложности 1,86 млн японских военнослужащих, что составляло почти 52 % от общего числа военных, отправленных ею за границу. Во время войны в Китае погибло более 1,5 млн японских солдат, в то время как китайских военных и гражданских лиц погибло более 35 млн, что составило почти 8 % от общей численности населения Китая в 1928 г. [Why China..., 2020].

В ходе проводимой государством кампании исторического просвещения масс в государственных музеях проводятся выставки, посвящённые зверствам японцев, а китайской общественности настойчиво напоминают о «столетии унижения» страны со стороны Японии и других империалистических держав. Антияпонские настроения наглядно проявились в китайских социальных сетях: на страницах молодых китайцев нередко можно видеть лозунги типа «уничтожить японских собак» [Zhao Suisheng, 2016, p. 339].

Этим же целям служат и музейные экспозиции, в том числе экспозиции Мемориала жертв Нанкинской резни и музея, увековечившего память жертв печально известного Отряда 731, который вёл подготовку бактериологической войны и осуществлял эксперименты на живых людях. Например, одним из самых посещаемых музеев мира (8 млн посетителей в 2014 г.) является Мемориал жертв Нанкинской резни. Главная идея выставки заключается в огромном значении памяти о прошлом. Она гласит: «забвение истории – это акт предательства» [Gustafsson, 2020].

Хотя в Пекине и сегодня не ставят под сомнение условия нормализации отношений с Японией 1972 г., там считают, что Япония недостаточно покаялась за содеянное, что в стране полным ходом возрождается милитаризм, оправдываются военные преступники и проводится масштабная ревизия итогов Второй мировой войны. Особенно подогревает антияпонские настроения в Китае приход к власти в Японии политиков правого толка, которые своими заявлениями и действиями демонстрируют намерение, отказавшись от пацифистского наследия, «подвести черту под послевоенным прошлым» и стать «нормальной», т.е. не связанной никакими антимилитаристскими ограничениями, страной.

В качестве примеров приводятся некоторые японские учебники по истории для средней школы, где отсутствует однозначное определение политики Японии на материке в качестве агрессивной; визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни, где по официальной версии «покоятся души» японских военных преступников; недостаточное покаяние

и неудовлетворительный уровень извинительной лексики в выступлениях японских официальных лиц в связи с годовщинами окончания войны и т.д. Комментарии СМИ напоминают о страданиях китайского народа и об унижениях, которые китайцы терпели от японских империалистов в годы войны.

В 1990-е – 2010-е годы в заявлениях официального Пекина по поводу этих проблем неизменно звучал мотив о неискупленной вине Японии. В первой половине 1990-х годов японское правительство неоднократно выступало с заявлениями с признанием ответственности Японии за милитаристскую политику в отношении стран Восточной Азии, среди которых наиболее известными стали Заявление Коно 1993 г. и Заявление Мураяма 1995 г. Принимая в Токио в 1998 г. председателя КНР Цзян Цзэминя, японская сторона согласилась на включение в совместное заявление положения о своём «глубоком раскаянии» в связи с агрессивной политикой Японии против Китая в период войны. Тем не менее, Цзян Цзэминь отстаивал точку зрения, в соответствии с которой по вопросам исторического прошлого никакого «последнего слова» быть не может [Green, 2001, p. 97]. При этом эффект от проводившейся Токио на протяжении многих лет «дипломатии извинений», равно как и от многомиллиардной японской помощи Китаю, сводится на нет эмоциональной реакцией китайцев на факты отрицания японцами своих военных преступлений [Manning, 2013]. Нельзя не согласиться с выводом проф. Денверского университета Чжао Суйшена о том, что Китай и Япония в сознании многих китайцев так по-настоящему не урегулировали свой конфликт по вопросам исторического прошлого, связанный с наследием войны [Zhao Suisheng, 2016, p. 338]. Отказ Китая признать новую послевоенную идентичность Японии стал фундаментальной проблемой двусторонних отношений [Gustafsson, 2015, p. 129].

В свою очередь, в Республике Корея «исторические обиды» в отношении Японии давно уже стали одной из главных причин периодического ухудшения двусторонних отношений. Разногласия по вопросам исторического прошлого явно вышли за рамки чисто академических споров, выплёскиваясь на политический уровень. 75-я годовщина капитуляции Японии пришлась на тот момент, когда напряжённость в японо-южнокорейских отношениях, уже и так высокая из-за проблемы «женщин для утешения», резко обострилась из-за нерешённой проблемы компенсаций. Корейский суд принял решение об изъятии активов у японской корпорации Nippon Steel с целью их использования для выплаты компенсации корейцам, которые были вынуждены против своей воли работать на заводах компании во время войны. Япония же утверждает, что этот вопрос был решён соглашением об экономическом сотрудничестве 1965 г., который нормализовал дипломатические отношения с Южной Кореей. В результате двусторонние отношения оказались на самой низкой точке за последние два десятилетия.

В Японии юбилейная годовщина окончания войны не вызвала большого общественного резонанса. Поколение помнивших войну японцев практически полностью ушло, а потому в исторической памяти нации данная тема фактически утратила свою актуальность как нечто, связанное с личным опытом ныне живущего поколения, и переместились в категорию «истории». Новые поколения уже не отягощены «комплексом вины». Уловив этот поворот в общественных настроениях, премьер-министр С. Абэ ещё в 2015 г. заявил в ходе памятной церемонии окончания войны, что новые поколения не должны извиняться, подчеркнув, однако, что придерживается основных постулатов Заявления Мураяма [Prime Minister of Japan, 2015]. На 75-ю годовщину окончания войны,

Абэ уже не стал извиняться за агрессивную политику Японии и лишь пообещал никогда не допустить повторения войны [Japan marks..., 2020]. «Глубокое раскаяние» по поводу действий страны в военное время выразил только японский император Нарухито. Он заявил, в частности: «Вместе со всем народом я хотел бы отдать сердечную дань уважения всем тем, кто погиб во время войны... и молиться за мир во всем мире и за дальнейшее развитие нашей страны» [Japan marks..., 2020].

Хотя С. Абэ воздержался в 2020 г. от посещения храма Ясукуни, паломничество в храм совершили четыре члена его кабинета – министр окружающей среды Коидзуми Синдзиро, министр внутренних дел и коммуникаций Такаити Санаэ, министр образования Хагиуда Коити и государственный министр по делам Окинавы и «северных территорий» Это Сэйити. Визит в храм официальных лиц столь высокого уровня состоялся впервые за четыре года. В китайских и южнокорейских СМИ пассивность японского премьера в вопросах осуждения неудобного исторического прошлого и визиты официальных лиц в храм Ясукуни ожидаемо вызвали критическую реакцию в Китае и Республике Корея [Iram Khan, 2020]

Заключение

Вторая мировая война оставила свой глубокий след в отношениях Японии со странами-соседами. Многие десятилетия свою актуальность в этих отношениях не утрачивает целый клубок специфических проблем исторического прошлого, связанных с наследием Второй мировой войны. Китай и страны Корейского полуострова по-прежнему питают чувство глубокого недоверия в отношении Японии, которая так и не смогла убедить их в искренности своих извинений за прошлые грехи [Choi, 2010, p. 76].

Высказывания японских официальных лиц, и прежде всего главы правительства, в которых оправдывалась милитаристская политика Японии в годы войны, посещение членами кабинета храма Ясукуни, издание «патриотических» учебников истории для средней школы и т.д. – все это стало вызывать болезненную реакцию стран-соседей, пострадавших от японской милитаристской политики, и прежде всего со стороны КНР и стран Корейского полуострова. По мнению китайского исследователя Пин Бу, «отрицание некоторыми японскими политиками ответственности за войну и настойчивое отстаивание исторической точки зрения, оправдывающей войну, оказали крайне негативное влияние на положение Японии в международном сообществе» [Ping Bu 2015, p. 122]. Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю отмечал, что «хотя японские премьер-министры неоднократно приносили глубокие извинения, азиатские страны всё ещё с трудом могут устранить своё недоверие в отношении Японии, и причиной этого являются высказывания и действия правых японских политиков» [Ping Bu 2015, p. 122]. Эти страны слышат из Японии одновременно голоса признания и отрицания вины, а потому чувствуют, что послевоенное японское общество не сильно изменилось в направлении коллективного раскаяния, а это усложняет двусторонний диалог на политическом уровне. В результате установление отношений доверия между Японией и странами Восточной Азии представляется в обозримой перспективе маловероятным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абэ С. Уцукусий куни-э : [В направлении «красивой страны»]. Токио: Бунсюн синсё, 2006.

Индо хомон-но Абэ сюсё. Пару хандзи идзоку-то-но мэнкай. Надзэ : [Почему премьер Абэ встретился во время визита в Индию с семьёй судьи Пала] // Акахата. 22.08.2007. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik07/2007-08-22/2007082202_05_0.html (дата обращения: 25.09.2020).

Коно данва хитэйха-но кэйфу (тю) : [Откуда появились противники Заявления Коно? Ч. 2] // Акахата. 15.10.2014 URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik14/2014-10-15/2014101502_04_0.html (дата обращения: 25.09.2020).

Кэнсё. Абэ Синдзо гороку. Рэкисикан. Синряку сэнсо-э-но хансэй кайму : [Словесные свидетельства взглядов Абэ Синдзо на историю. Никакого раскаянья за агрессивные войны] // Акахата. 29.08.2006. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik4/2006-08-29/2006082902_04_0.html (дата обращения: 25.09.2020).

Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139-158. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.10

Сёдзи Дзюнъитиро. Нихон-ни окэру сэнсо косё-ни кансуру мондай-но иккосоцу : [Взгляд на проблему названия в Японии войны] // Кокубо кэнкюдзё киё. 2011. № 13(3). С. 43–80 (на яп.). URL: http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j13-3_3.pdf (дата обращения: 25.09.2020).

An Zhaozhen. The Historical Contribution and Loss of China in the War of Resistance against the Japanese Aggression // *Global Media Journal*. 2018. Volume 16, Issue 31. URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/the-historical-contribution-and-loss-of-china-in-the-war-of-resistance-against-the-japanese-aggression.php?aid=87124#1> (дата обращения: 25.09.2020).

China's Xi Jinping marks WWII victory, slams those who 'vilify Communist Party' // *South China Morning Post*. 3 Sep., 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3100148/chinas-xi-jinping-marks-wwii-victory-slams-those-who-vilify> (дата обращения: 25.09. 2020).

Choi Eun-Mi. Memory Politics and International Relations in East Asia – Focusing on “Past Problem” between South Korea and Japan // *International Area Review*. 2010. Vol. 13. Number 2. P. 63–79.

Dian M. *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Amsterdam: Elsevier, 2017.

Dian M. Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions // *International Relations*. 2015. Vol. 29(3). P. 363–377.

Fitzgerald J. China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is Not Over Yet // *The ASAN Forum*. November 17, 2015. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Green M. *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*. N-Y.: Palgrave Macmillan, 2001.

Gustafsson K. Identity and recognition: remembering and forgetting the post-war in Sino-Japanese relations // *The Pacific Review*. 2015. Vol. 28. Issue 1. P. 117–138. DOI: 10.1080/09512748.2014.970053

Gustafsson K. Understanding the persistence of history-related issues in Sino–Japanese relations: from memory to forgetting // *International Politics*. 30 January, 2020. URL: <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00219-7> (дата обращения: 25.09. 2020).

Haffner J., Casas i Klett T., & Lehmann J. Facing History: Getting Past the Nation-state // *Japan's Open Future: An Agenda for Global Citizenship*. London and New York: Anthem Press, 2009. P. 17–54. DOI: 10.7135/UPO9780857288127.003

Hong Kal. Commemoration and the Construction of Nationalism: War Memorial Museums in Korea and Japan // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Sep. 2008. Volume 6. Issue 9. P. 1–25. URL: <https://apjif.org/-Hong-KAL/2880/article.pdf> (дата обращения: 25.09. 2020).

Iram Khan. Surrender anniversary great time for Japan to spurn its past mistakes. *China Global Television Network*. 15 Aug., 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-08-15/Surrender-anniversary-great-time-for-Japan-to-spurn-its-past-mistakes-SYq80T64b6/index.html> (дата обращения: 25.09. 2020).

Jansen M. *The Making of Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. DOI: 10.2307/j.ctvjf9vr7

Japan marks 75th surrender anniversary in solemn ceremony thinned by pandemic // *The Japan Times*. 15 August, 2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/08/15/national/75th-anniversary-wwii-surrender/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Japan's Shinzo Abe angers neighbours and US by visiting war dead shrine // *The Guardian*. Dec, 26, 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/26/japan-shinzo-abe-tension-neighbours-shrine> (дата обращения: 25.09. 2020).

Jing Yu. Why Did China Add 6 Years to the Second Sino-Japanese War? // *The Diplomat*. Jan. 20, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/why-did-china-add-6-years-to-the-second-sino-japanese-war/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Manning R. China and the US-Japan alliance//*East Asia Forum*. 28 October, 2013. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2013/10/28/china-and-the-us-japan-alliance/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Orr J. J. *The victim as hero: ideologies of peace and national identity in postwar Japan*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2001.

Ping Bu. Dialogues on historical issues concerning East Asia // *Journal of Modern Chinese History*. 2015. Vol. 9. Issue 1. P. 117–129. DOI: 10.1080/17535654.2015.1030819

Pollmann M. Erika. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3. Issue 3. P. 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704

Prime Minister of Japan. Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (дата обращения: 25.09. 2020).

Saito H. *Apologies and Denunciations, 1989–1996* // *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. P. 74–101.

Zhao Suisheng. China's difficult relations with Japan: Pragmatism, superficial friendship, and historical memories // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2016. Vol. 1. Issue 4. P. 335–353. DOI: 10.1177/2057891116672605

Tsujita, M. A Fragile Balance between 'Normalization' and the Revival of Nationalistic Sentiments//*War and Militarism//Modern Japan: Issues of History and Identity* (ed. by Guy Podoler). Folkestone, UK: Global Oriental, 2009. P. 187–198. DOI: 10.1163/ej.9781905246854.i-242.90

Why China hasn't forgotten about the war against Japanese aggression // China Global Television Network. 4 Sep., 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-03/Xi-delivers-speech-at-symposium-to-mark-WWII-victory-anniversary-Tud3lrn8Y0/index.html> (дата обращения: 25.09. 2020).

REFERENCES

Abe, S. (2006). *Utsukushii kune-e* [Towards a Beautiful Country]. Tokyo: Bunshun shinsho.

An Z. (2018). The Historical Contribution and Loss of China in the War of Resistance against the Japanese Aggression, *Global Media Journal*, 16:31. URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/the-historical-contribution-and-loss-of-china-in-the-war-of-resistance-against-the-japanese-aggression.php?aid=87124#1> (accessed: 25 September 2020).

China's Xi Jinping marks WWII victory, slams those who 'vilify Communist Party' (2020). *South China Morning Post*, 3 September. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3100148/chinas-xi-jinping-marks-wwii-victory-slams-those-who-vilify> (accessed: 25 September, 2020).

Choi Eun-Mi (2010). Memory Politics and International Relations in East Asia - Focusing on "Past Problem" between South Korea and Japan, *International Area Review*, 2010, 13(2): 63–79.

Dian, M. (2015). Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions, *International Relations*, 29(3): 363–377. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117815600932> (accessed: 5 August 2019).

Dian, M. (2017). *Contested memories in Chinese and Japanese foreign policy*, Amsterdam: Elsevier.

Fitzgerald, J. (2015). China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is Not Over Yet, *The ASAN Forum*, November 17. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (accessed: 25 September, 2020).

Green, M. (2001). *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*, New York: Palgrave Macmillan.

Gustafsson, K. (2015) Identity and recognition: remembering and forgetting the post-war in Sino-Japanese relations, *The Pacific Review*, 28(1): 117–138. URL: <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.970053> (accessed: 25 September, 2020).

Gustafsson, K. (2020, January 30). Understanding the persistence of history-related issues in Sino–Japanese relations: from memory to forgetting, *International Politics*, 57: 1047–1062. URL: <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00219-7> (accessed: 25 September, 2020).

Haffner, J., Casas i Klett, T., & Lehmann, J. (2009). Facing History: Getting Past the Nation-state, *Japan's Open Future: An Agenda for Global Citizenship*, Anthem Press: 17–54. URL: <https://doi.org/10.7135/UPO9780857288127.003> (accessed: 25 September, 2020).

Hong Kal (2008). Commemoration and the Construction of Nationalism: War Memorial Museums in Korea and Japan, *the Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 6 (9): 1–25. URL: <https://apjif.org/-Hong-KAL/2880/article.pdf> (accessed: 25 September, 2020).

Indo homon-no Abe shusho. Paru hanji izoku-to-no menkai. Naze. [Why Has Premier Abe Met the Family of the Judge Pal during His Visit to India] (2007). *Akahata*, August 22. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik07/2007-08-22/2007082202_05_0.html (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Iram Khan (2020). Surrender anniversary great time for Japan to spurn its past mistakes, *China Global Television Network*, 15 August. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-08-15/Surrender-anniversary-great-time-for-Japan-to-spurn-its-past-mistakes-SYq80T64b6/index.html> (accessed: 25 September, 2020).

Jansen, M. (2000). *The Making of Modern Japan*, Cambridge: Harvard University Press. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9vr7> (accessed: 25 September, 2020).

Japan marks 75th surrender anniversary in solemn ceremony thinned by pandemic (2020). *The Japan Times*, 15 August. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/08/15/national/75th-anniversary-wwii-surrender/> (accessed: 25 September, 2020).

Japan's Shinzo Abe angers neighbours and US by visiting war dead shrine (2013). *The Guardian*, 26 December. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/26/japan-shinzo-abe-tension-neighbours-shrine> (accessed: 25 September, 2020).

Jing Yu (2017). Why Did China Add 6 Years to the Second Sino-Japanese War? *The Diplomat*, 20 January. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/why-did-china-add-6-years-to-the-second-sino-japanese-war/> (accessed: 25 September, 2020).

Kensho. Abe Shinzo goroku. Rekishikan. Shinryaku senso-he-no hansei kaimu. [The Oral Testimony of Abe Shinzo's History Views. Absence of Contrition for the Aggressive War] (2006). *Akahata*, 29 August. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik4/2006-08-29/2006082902_04_0.html (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Kono danwa hiteiha-no keifu (chu). [Where Have the Opponents of Kono Statement Originate from? Part 2] (2014). *Akahata*, 15 October. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik14/2014-10-15/2014101502_04_0.html (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Malinova, O. (2016). Ofitsial'nyy istoricheskiy narrativ kak element politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: From the 1990s to the 2010s], *Polis. Political Studies*, 6: 139–158. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (In Russian).

Manning, R. (2013). China and the US-Japan alliance, *East Asia Forum*, 28 October. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2013/10/28/china-and-the-us-japan-alliance/> (accessed: 25 September, 2020).

Orr, J. J. (2001). *The victim as hero: ideologies of peace and national identity in postwar Japan*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press.

Ping Bu (2015). Dialogues on historical issues concerning East Asia, *Journal of Modern Chinese History*, 9:1, 117–129. URL: <https://doi.org/10.1080/17535654.2015.1030819> (accessed: 25 September, 2020).

Pollmann, M. E. (2016). Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies, *Journal of Asian Security and International Affairs*, 3(3): 307–336. URL: <https://doi.org/10.1177/2347797016670704> (accessed: 25 September, 2020).

Prime Minister of Japan (2015). Statement by Prime Minister Shinzo Abe, August 14. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (accessed: 25 September, 2020).

Saito, H. (2017). Apologies and Denunciations, 1989–1996, in *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*, Honolulu: University of Hawai'i Press: 74–101.

Shoji, J. (2011). Nihon-ni okeru senso kosho-ni kansuru mondai-no ikkousatsu [What Should the "Pacific War" be Named? A Study of the Debate in Japan], *Kokubo kenkyujo kiyo*, 13(3): 43–80. URL: http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j13-3_3.pdf (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Zhao Suisheng (2016). USA China's difficult relations with Japan: Pragmatism, superficial friendship, and historical memories, *Asian Journal of Comparative Politics*, 1(4): 335–353. URL: <https://doi.org/10.1177/2057891116672605> (accessed: 25 September, 2020).

Tsujita, M. (2009). A fragile balance between 'normalization' and the revival of nationalistic sentiments, *Modern Japan: Issues of History and Identity*, Folkestone: Global Oriental: 187–198. URL: <https://doi.org/10.1163/ej.9781905246854.i-242.90> (accessed: 25 September, 2020).

Why China hasn't forgotten about the war against Japanese aggression (2020). *China Global Television Network*, 4 September, 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-03/Xi-delivers-speech-at-symposium-to-mark-WWII-victory-anniversary-Tud3lrn8Y0/index.html> (accessed: 25 September, 2020).

Поступила в редакцию 02.10.2020

Received 2 October 2020

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

For citation: Streltsov D.V. (2020). Pamyat' o voyne kak samostoyatel'nyy faktor v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami: k 75-letney godovshchine kapitulyatsii Yaponii [War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 78–97. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029